Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа – новые коммуниканты | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.769

Neural Networks as Agents of Symbolic Production: A Socio-Philosophical Interpretation of Digital Sociality

Anton V. Luchnikov[1], **& Dmitry V. Melnichuk**[2]

Saratov State University. Saratov, Russia

Received: 29 March 2026 | Revised: 27 April 2026 | Accepted: 3 May 2026

Abstract

The article examines the problem of the transformation of the status of neural network technologies in the context of digital sociality. Neural networks are no longer merely tools for data processing, becoming participants in symbolic production. Particular attention is paid to the contradiction between the functional efficiency of neural networks and their lack of moral subjectivity, as well as to the role of mythologization in constructing them as quasi-subjects. It is shown that the integration of neural networks into social practices is accompanied by changes in the boundaries of authorship, responsibility, and social action. The aim of the study is to provide a socio-philosophical interpretation of the processes of neural network socialization, their agency, and their place within the structure of contemporary social ontology. The study demonstrates that neural networks form a new social repertoire and are integrated into institutional practices as functionally autonomous agents, redistributing cognitive, communicative, and expert roles. Key mechanisms of their socialization are identified, including discursive mythologization and institutional integration, and a typology of scenarios for the development of neural network sociality is proposed. The article concludes that it is necessary to reconsider classical notions of subjectivity and responsibility in the context of emerging hybrid sociality. The article is intended for researchers in social philosophy, media studies, and philosophy of technology, as well as for scholars examining the digital transformation of society.

Keywords

Neural Networks; Digital Sociality; Symbolic Production; Neural Network Agency; Mythologization of Neural Networks; Algorithmic Systems; Institutional Integration; Digital Media; Philosophy of Technology; Artificial Intelligence

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License
© 2026 Anton V. Luchnikov, & Dmitry V. Melnichuk

1 Email: aluchnikov[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0003-2190-129X
2 Email: melnichukdv[at]sgu.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-6689-8904

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
New Media – New Communicants | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.769

Нейросети как агенты символического производства: социально-философское осмысление цифровой социальности

Лучников Антон Викторович[1], **Мельничук Дмитрий Вадимович**[2]

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, Россия

Рукопись получена: 29 марта 2026 | Пересмотрена: 27 апреля 2026 | Принята: 3 мая 2026

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансформации статуса нейросетевых технологий в условиях цифровой социальности. Нейросети перестают быть просто инструментами обработки данных, а становятся участниками символического производства. Особое внимание уделяется противоречию между функциональной эффективностью нейросетей и отсутствием у них моральной субъектности, а также роли мифологизации в конструировании их как квазисубъектов. Показано, что включение нейросетей в социальные практики сопровождается изменением границ авторства, ответственности и социального действия. Цель исследования заключается в социально-философском осмыслении процессов социализации нейросетей, их агентности и места в структуре современной социальной онтологии. В результате установлено, что нейросети формируют новый социальный репертуар и включаются в институциональные практики как функционально автономные агенты, перераспределяя когнитивные, коммуникативные и экспертные роли. Выделены ключевые механизмы их социализации, включая дискурсивную мифологизацию и институциональную интеграцию, а также предложена типология сценариев развития нейросетевой социальности. Сделан вывод о необходимости пересмотра классических представлений о субъектности и ответственности в условиях формирования гибридной социальности. Статья рассчитана на исследователей в области социальной философии, медиаисследований и философии технологий, а также на специалистов, изучающих цифровую трансформацию общества.

Ключевые слова

нейросети; цифровая социальность; символическое производство; нейросетевая агентность; мифологизация нейросетей; алгоритмические системы; институциональная интеграция; цифровые медиа; философия технологий; искусственный интеллект

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0
© 2026 Лучников Антон Викторович, Мельничук Дмитрий Вадимович

1 Email: aluchnikov[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0003-2190-129X
2 Email: melnichukdv[at]sgu.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-6689-8904

Введение

Анализ алгоритмической рациональности как парадигмальной характеристики современного социального познания предполагает обращение к конкретным технологическим формам, в которых эта рациональность воплощается и воспроизводится. Наиболее заметной из этих форм стали нейронные сети, которые за последние десятилетия прошли путь от узкоспециализированных вычислительных моделей до системных участников социальных процессов. Вопрос о статусе нейросетей в цифровой социальности требует одновременно технической и философской проработки, которая включает реконструкцию генеалогии нейросетевых технологий, анализ их архитектурной эволюции и осмысление тех социальных функций, которые они начинают выполнять в структуре общественного воспроизводства.

Генеалогия искусственных нейронных сетей восходит к 1943 г., когда нейрофизиолог У. Маккаллок и математик У. Питтс предложили первую формальную модель искусственного нейрона, способного выполнять логические операции на основе пороговой функции активации (McCulloch & Pitts, 1943). Эта работа, сама по себе не содержавшая программной реализации, заложила концептуальный фундамент для всей последующей традиции, так как впервые продемонстрировала возможность моделирования когнитивных процессов средствами математической логики. В 1949 г. Д. Хебб сформулировал правило обучения, согласно которому связь между одновременно активирующимися нейронами усиливается (Hebb, 1949, p. 62), что задало принцип адаптивного обучения, ставший основой для большинства последующих алгоритмов тренировки нейронных сетей.

Важной вехой стало создание Ф. Розенблаттом перцептрона в 1958 г. (Rosenblatt, 1958). Перцептрон представлял собой первую обучаемую нейронную сеть, способную к классификации входных образов. Его появление вызвало значительный оптимизм, так как представлялось, что для создания полноценного аналога человеческого мышления достаточно масштабировать нейросетевую архитектуру. Однако публикация М. Минского и С. Паперта в 1969 г. продемонстрировала ограничения однослойного перцептрона, в частности, невозможность решения задач, требующих нелинейного разделения классов (Minsky & Papert, 1969). Эта критика фактически остановила развитие нейросетевых исследований на полтора десятилетия: период, получивший название «зима искусственного интеллекта».

Возрождение нейросетевых исследований произошло в середине 1980-х гг. благодаря работе Д. Румельхарта, Дж. Хинтона и Р. Уильямса, разработавших алгоритм обратного распространения ошибки для обучения многослойных сетей (Rumelhart, Hinton & Williams, 1986). Этот алгоритм позволил преодолеть ограничения, зафиксированные Минским, и открыл путь к глубокому обучению. В 1990-е гг. были разработаны архитектуры, определившие

дальнейшее развитие искусственного интеллекта: сверточные нейронные сети Я. Лекуна для обработки изображений (LeCun et al.,1998) и рекуррентные сети с долгой краткосрочной памятью (LSTM) С. Хохрайтера и Ю. Шмидхубера для работы с последовательностями (Hochreiter & Schmidhuber 1997). Сверточная сеть моделировала пространственное распознавание, а рекуррентная воспроизводила временную память, т. е. каждая из этих архитектур воплощала определенный принцип обработки информации.

Новый этап развития начался в 2010-е гг. с появлением генеративно-состязательных сетей И. Гудфеллоу (Goodfellow et al., 2014) и архитектуры трансформера, представленной исследователями Google в 2017 г. (Vaswani et al., 2017). Трансформер заменил последовательную обработку информации механизмом внимания, позволяющим устанавливать связи между любыми элементами входных данных одновременно. Эта архитектура легла в основу больших языковых моделей (LLM), таких как GPT, которые, начиная с 2020 г. (Brown et al., 2020), стали доступны массовому пользователю и заметно преобразили ландшафт цифровой социальности.

Социализация нейросетей: от вычислительных моделей к агентам символического производства

Хронология развития нейронных сетей обнаруживает закономерность, значимую для социально-философского анализа (Гафаров & Галимянов 2018). На протяжении семи десятилетий нейросети прошли путь от абстрактных математических моделей через специализированные вычислительные инструменты к генеративным системам, способным производить тексты, изображения, музыку и программный код, т. е. к системам, оперирующим в символическом пространстве культуры. Этот переход от вычисления к генерации означает качественное изменение статуса нейросетей: из инструментов обработки данных они превращаются в агентов символического производства, что и ставит вопрос об их месте в социальной онтологии. С позиций типологии научной рациональности этот сдвиг указывает на то, что алгоритмическая рациональность обрела собственную техническую инфраструктуру, способную к автономному символическому производству.

Генеалогия нейросетей допускает и более глубокое соотнесение с типологией научной рациональности В. С. Степина. Ранние нейросетевые модели (перцептрон, модель Маккаллока – Питтса) воплощали классическую установку на линейное моделирование детерминированных процессов, предполагающую, что вход определяет выход, а субъект-исследователь остается внешним наблюдателем. Многослойные архитектуры 1980–1990-х гг., работающие с обратным распространением ошибки и стохастическими процессами, обнаруживают черты неклассической рациональности, в которой результат зависит от средств наблюдения, а исследователь вынужден учитывать вероятностный характер выводов. Генеративные модели 2010–2020-х гг., способные

к автономному символическому производству и взаимодействующие с ценностными контекстами общества, корреспондируют с постнеклассической установкой, где субъект, объект и ценностные рамки познания оказываются неразделимы. Таким образом, эволюция нейросетевых архитектур воспроизводит в сжатом виде логику смены типов научной рациональности, обоснованную Степиным (2013, с. 45–59).

Циклический характер развития нейросетевых технологий заслуживает отдельного внимания. Так называемые «зимы искусственного интеллекта» (1970-е – первая половина 1980-х гг. и конец 1980-х – середина 1990-х гг.) демонстрируют, что траектория нейросетевых исследований определяется не только внутренней логикой научного развития, но и институциональными факторами: объемами финансирования, ожиданиями государственных заказчиков, конкуренцией между исследовательскими программами и публичными нарративами о возможностях технологии. Каждый цикл разочарования сопровождался перераспределением ресурсов и переоценкой методологических оснований, а последующий подъем был связан не только с техническими прорывами, но и с изменением социального запроса. Нынешний бум генеративных моделей стал возможен благодаря совпадению нескольких факторов, таких как рост вычислительных мощностей, накопление колоссальных массивов обучающих данных через социальные платформы и формирование экономической модели, в которой алгоритмическая обработка данных стала источником прибыли. Социально-философский анализ должен учитывать эту обусловленность, так как нейросети появляются и развиваются не в эпистемическом вакууме, а внутри конкретных социально-экономических конфигураций, которые определяют их функциональный профиль и границы применимости.

Включение нейросетей в устойчивые формы общественного взаимодействия может быть описано через понятие социализации. С. В. Тихонова вводит понятие социализации Интернета, определяя его как процесс, обратный виртуализации общества (2016, с. 140). Если в ходе виртуализации взаимодействие с реальными социальными инстанциями замещается анонимным оперированием виртуальными образами, то в ходе социализации виртуальные образы обрастают реальными, персонализированными социальными связями. Социальные сети стали инструментом этой социализации, потому что перенесли в виртуальную среду паттерны реального социального взаимодействия: персональную идентификацию, групповую принадлежность, статусные иерархии, нормативные ожидания и механизмы доверия.

С. В. Тихонова подчеркивает, что социализация Интернета не тождественна его утилитарному использованию: речь идет о структурном процессе, в котором сетевое пространство перестает быть альтернативой социальному миру и становится его продолжением (2016, с. 142). Типовые свойства социальных интеракций закладываются не только на уровне алгоритмов взаимо-

действия, но и имплицитно, на уровне ценностных предпосылок и ориентаций социального действия. Аналогичную логику можно обнаружить в процессе включения нейросетевых технологий в общественную жизнь. Если социализация Интернета осуществлялась через социальные сети, наделявшие виртуальную среду человеческой персональностью, то социализация нейросетей осуществляется через диалоговые интерфейсы, наделяющие вычислительную модель квазиперсональными характеристиками. Можно определить социализацию нейросетей как процесс включения нейросетевых технологий в устойчивые формы социального взаимодействия, в ходе которого вычислительные модели приобретают социально значимые функции, интегрируются в институциональные практики и занимают позиции внутри коммуникативных структур общества.

Это определение позволяет зафиксировать сходство и различие двух процессов. Социализация Интернета через социальные сети предполагала перенос уже существующих социальных отношений в цифровую среду. Социализация нейросетей предполагает другой вектор, не перенос, а порождение новых форм взаимодействия, для которых в доцифровом обществе не существовало прототипов. Диалог с чат-ботом, совместное с нейросетью создание текста, алгоритмическая диагностика, автоматическая генерация экспертного заключения, все это не имеет аналогов в доцифровой практике. Поэтому социализация нейросетей представляет собой не столько адаптацию технологии к обществу, сколько порождение нового социального опыта на стыке вычислительных процедур и человеческих практик.

Социализация нейросетей обладает еще одной характеристикой, отсутствовавшей в процессе социализации Интернета. Социальные сети социализировали Интернет, сохраняя за человеком монополию на производство контента; тексты, фотографии и видео создавались людьми, а платформа обеспечивала их распространение. Нейросети подрывают эту монополию, поскольку сами становятся производителями символического контента. Текст, написанный нейросетью, изображение, сгенерированное диффузионной моделью, музыкальная композиция, созданная генеративной системой, не являются продуктами человеческого творчества в классическом смысле, хотя и возникают в ответ на человеческий запрос. Социализация нейросетей, таким образом, сопровождается трансформацией самого понятия авторства и ставит вопрос о том, кому принадлежит продукт гибридного (человеко-машинного) производства. Эта проблема уже стала предметом юридических и этических дискуссий, связанных с авторскими правами на ИИ-генерированный контент, и ее разрешение будет определять характер дальнейшей институционализации нейросетевых технологий.

Социализация нейросетевых технологий прошла несколько отчетливых этапов, которые коррелируют с развитием цифровой инфраструктуры. Первым условием этой социализации стало формирование глобальной сети Интернет.

Предложение Т. Бернерса-Ли о системе управления информацией (Berners-Lee, 1989) создало инфраструктурную основу для массовой цифровой коммуникации. Появление веб-браузеров и интернет-провайдеров в 1990-е гг. обеспечило доступ к сети для широких слоев населения. Провайдеры стали первыми посредниками между технологической инфраструктурой и повседневными практиками пользователей, задав архитектуру доступа, которая впоследствии определила формы цифровой социальности.

Второй этап связан с появлением социальных сетей в 2000-е гг. Как показали Д. Бойд и Н. Эллисон, социальные сети трансформировали структуру межличностной коммуникации, сделав публичную саморепрезентацию и сетевую связанность нормой повседневного взаимодействия (Boyd & Ellison 2007, p. 211). Дж. ван Дейк подчеркивает, что платформы социальных медиа сформировали «культуру коннективности», в которой каждый акт коммуникации опосредуется алгоритмическими процедурами отбора, ранжирования и рекомендации (van Dijck, 2013, p. 12). На этом этапе нейросетевые алгоритмы впервые масштабно вошли в социальную практику, хотя и в невидимой для пользователя форме. Алгоритмы ранжирования ленты новостей, системы рекомендаций и инструменты распознавания контента стали частью платформенной архитектуры.

Третий этап, начавшийся в конце 2010-х гг., характеризуется переходом от скрытого присутствия нейросетей в платформенной инфраструктуре к их прямому взаимодействию с пользователем через интерфейс. Генеративные модели, такие как ChatGPT (OpenAI), Claude (Anthropic), Gemini (Google), GigaChat (Сбер), YandexGPT (Яндекс), предоставили пользователям непосредственный доступ к нейросетевым системам через диалоговый интерфейс. Такой переход существенно меняет характер социализации нейросетей: из невидимых инфраструктурных компонентов они становятся видимыми собеседниками, ассистентами и соавторами, занимая позиции, ранее принадлежавшие исключительно человеческим акторам.

Н. Срничек в анализе платформенного капитализма показал, что цифровые платформы выступают субъектами экономики, аккумулирующими данные как базовый ресурс (2019, с. 45). Ш. Зубофф развивает этот тезис, вводя понятие «надзорного капитализма», в котором извлечение данных из человеческого опыта становится основой экономической модели (Zuboff, 2019, p. 8). Нейросети выполняют в этой системе функцию конвертера, они преобразуют «сырые» данные пользовательского поведения в структурированное знание, пригодное для прогнозирования, управления вниманием и монетизации. Таким образом, история интеграции нейросетей в цифровую инфраструктуру обнаруживает последовательное нарастание их социальной функциональности от инфраструктурной невидимости через платформенное посредничество к прямому участию в социальных интеракциях.

Мифологизация и архитектура социализации нейросетей

Социализация нейросетей неотделима от процессов их мифологизации. Как показывает А. А. Дыдров, интеграция трендовых технологий в общественную жизнь перманентно сопровождается созданием особых дискурсов, функционирующих на основе вторичных семиотических систем (2023, с. 73). Мифологизация искусственного интеллекта проявляется в том, что научный дискурс о нейросетях систематически использует антропоморфные метафоры: нейросеть «понимает», «думает», «обучается», «принимает решения». Эти метафоры не являются нейтральными стилистическими фигурами, они формируют восприятие технологии как квазисубъекта, наделенного когнитивными способностями, и тем самым задают определенный горизонт ожиданий, который в свою очередь влияет на характер институционализации нейросетей.

Дыдров фиксирует, что мифологизация ИИ присутствует не только в обывательском, но и в научном дискурсе (2023, с. 75). Научные публикации используют антропоморфизацию как дискурсивную стратегию, наделяющую технологические объекты субъектными характеристиками. «Обучение» нейросети, «внимание» трансформера, «память» рекуррентной сети представляют собой метафорические переносы, которые, однако, оседают в профессиональном языке и начинают восприниматься как буквальные описания. Для социальной философии это наблюдение существенно, поскольку указывает на то, что социализация нейросетей происходит не только через их инструментальное использование, но и через дискурсивное конструирование их статуса.

И. В. Батурина, проводя наукометрический анализ западного научного контента по тематике ИИ, фиксирует несколько устойчивых мифологем, определяющих структуру дискурса (2023, с. 377). Среди них выделяется «историзация», мифологизирующая дискурсивная технология, фокусирующаяся на «истоках» феномена для увеличения его удельного социального веса. Так, генеалогии ИИ систематически возводятся к глубокой древности (автоматы Герона Александрийского, гомункулусы алхимиков), хотя реальная история нейросетевых технологий не насчитывает и столетия. Другой устойчивой мифологемой является «экспоненциальность», означающая представление о безостановочном и все ускоряющемся прогрессе, которое игнорирует циклы стагнации («зимы ИИ») и институциональную обусловленность научного развития (2023, с. 378).

В этом контексте продуктивным оказывается и обращение к понятию метасимулякра, позволяющему описывать ИИ не только как технический инструмент, но и как особую медиальную форму симуляции человеческого присутствия. Р. Т. Алиев показывает, что ИИ-симуляция формируется на пересечении человека, медиа и интерфейса, где технологическая система воспроизводит отдельные действия субъекта и создает эффект его символиче-

ского замещения (2025a, с. 107). Это позволяет точнее описать нейросетевого агента как квазисубъекта, чья социальная убедительность основана на интерфейсно организованной имитации коммуникации.

В этом отношении нейросетевой агент оказывается формой метасимуляционной подстановки, где граница между человеческим действием, медиальной репрезентацией и алгоритмической генерацией становится подвижной. Развивая эту логику, Алиев описывает «алгоритмическую шизофрению» как ситуацию расщепления цифровой реальности, в которой алгоритмы не просто искажают отдельные факты, а участвуют в производстве псевдореальностей и новых уровней симуляции (2025b, с. 235–240). Для анализа нейросетевой социальности это важно потому, что галлюцинации, синтетические образы и автоматически сгенерированные тексты перестают быть только техническими сбоями, они становятся элементами цифровой среды, влияющими на доверие, авторство и процедуры верификации.

Еще один аспект связан с проблемой Другого в цифровой культуре. В работе о постсимволической колониальности Алиев показывает, что цифровые платформы репрезентируют инаковость и перерабатывают ее в управляемый поток (2025c, с. 172). Это положение позволяет дополнить характеристику нейросетевой мультиагентности, тем что ИИ участвует в форматировании образов другого человека, другой культуры и другого опыта, имитируя человеческую коммуникацию. В статье о «безликом интерфейсе» эта проблема получает дальнейшее развитие через анализ цифровой эмпатии и заботы. Интерфейс производит «прирученного Другого», заранее адаптированного к логике платформенной обработки и пользовательского удобства (2026, p. 7). Следовательно, социализация нейросетей связана с их включением в институции и с изменением самой структуры межсубъектного опыта, где встреча с Другим все чаще опосредуется алгоритмической симуляцией.

Анализ мифологизации позволяет объяснить парадокс того, что нейросети, являющиеся по своей природе статистическими моделями обработки данных, воспринимаются в публичном и нередко в научном дискурсе как квазисознательные агенты. Этот дискурсивный сдвиг имеет прямые социальные последствия. Мифологизированное представление о нейросетях как о «думающих машинах» создает основу для делегирования им тех функций (экспертиза, диагностика, судебная оценка), которые традиционно предполагали моральную ответственность исполнителя. Тем самым мифологизация оказывается не побочным эффектом, а структурным условием социализации нейросетей, так как именно мифологема «мыслящей машины» обеспечивает социальное доверие, необходимое для институционального внедрения технологии.

В российском контексте мифологизация ИИ имеет собственную специфику. Публичный дискурс вокруг искусственного интеллекта в России формировался под влиянием государственной повестки, зафиксированной

в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (2019), и сочетал технооптимистическую риторику с настороженностью, унаследованной от советской научно-фантастической традиции, в которой тема мыслящих машин была тесно связана с проблемой контроля. Характерно, что российские разработчики нейросетей (Сбер, Яндекс) выбирали для своих продуктов антропоморфные наименования и интерфейсные решения, воспроизводя мифологему персонифицированного ИИ и тем самым способствуя социализации нейросетей через привычные модели межличностной коммуникации. Социально-философский анализ этих процессов позволяет увидеть в них не просто маркетинговую стратегию, а реализацию более глубокой закономерности, заключающейся в том, что мифологизация выполняет функцию адаптивного механизма, облегчающего социальное принятие новой технологии.

Социально-философский анализ нейросетей предполагает не только хронологическую реконструкцию, но и типологическое различение их архитектур, поскольку каждая архитектура задает специфический режим обработки информации, а следовательно, и специфический тип участия в социальных процессах. Сверточные нейронные сети (CNN) оперируют пространственными паттернами и лежат в основе технологий распознавания образов, лиц и объектов. Их социальная функция наиболее очевидна в системах видеонаблюдения, модерации визуального контента и медицинской диагностики. Рекуррентные сети (RNN) и их развитие в форме LSTM-сетей обрабатывают последовательности и обеспечивают работу систем машинного перевода, голосовых ассистентов и предиктивного ввода текста.

Генеративно-состязательные сети (GAN) воплощают принцип состязательного обучения, где генератор и дискриминатор совершенствуют друг друга, и лежат в основе технологий генерации изображений, deepfake и синтетических медиа. Их социальное значение определяется тем, что они ставят под вопрос категорию аутентичности визуального свидетельства, создавая онтологическую неопределенность в отношении границы между реальным и сгенерированным.

Проблема генеративных подделок (deepfake) вышла за рамки технической дискуссии и приобрела социально-политическое измерение. Возможность генерации правдоподобных видеозаписей с участием реальных людей, создания несуществующих фотографий и синтеза голосовых сообщений ставит под вопрос традиционные механизмы верификации свидетельства, на которых основывается публичное доверие. Если в доцифровую эпоху фотография и видеозапись считались формами документального свидетельства, то в условиях генеративных нейросетей любой визуальный документ становится потенциально сфабрикованным, что подрывает инфраструктуру доказательности в правовой, журналистской и научной сферах. Для социальной онтологии это означает возникновение нового режима неопределенности,

в котором граница между фактом и артефактом перестает быть данной и требует специальных процедур установления.

Трансформерные архитектуры, ставшие основой больших языковых моделей, реализуют иной режим обработки информации, основанный на механизме внимания. В отличие от предшественников, трансформер не привязан к локальности (как CNN) или последовательности (как RNN), а устанавливает глобальные связи между элементами контекста. Для социальной философии эта архитектура оказывается наиболее значимой, так как позволяет нейросетям оперировать в пространстве естественного языка, т. е. в том же символическом пространстве, в котором осуществляется человеческая коммуникация, нормотворчество и смыслообразование.

Архитектура социализации нейронных сетей, понимаемая как системная модель их включения в общественные процессы, может быть описана через несколько уровней.

Первый уровень составляет инфраструктурный слой: вычислительные мощности (дата-центры, облачные сервисы), обучающие данные (корпусы текстов, изображений, кода) и программные фреймворки. Этот слой задает материальные условия существования нейросетей и одновременно определяет их зависимость от экономических и политических структур, контролирующих доступ к вычислительным ресурсам. Здесь алгоритмическая рациональность не является нейтральным инструментом, а встроена в систему экономических интересов и властных отношений.

Второй уровень образует интерфейсный слой, обеспечивающий взаимодействие нейросети с человеком. Интерфейс выполняет функцию медиатора, определяющего, каким образом нейросетевая модель становится доступной пользователю. Диалоговые интерфейсы (чат-боты), встроенные ассистенты (в текстовых редакторах, IDE, электронной почте), API для разработчиков и визуальные генераторы задают различные режимы взаимодействия. Каждый из этих режимов формирует специфическую форму социотехнического отношения (от асимметричного запроса к квазидиалогическому обмену). Философски существенно то, что интерфейс не является нейтральным посредником, он задает границы возможного взаимодействия и тем самым формирует пользовательский опыт нейросетевой социальности.

Третий уровень представляет собой институциональный слой, где нейросети интегрируются в устойчивые социальные практики и институты. Нейросети внедряются в образование в форме адаптивных обучающих систем, в здравоохранение через диагностические инструменты и анализ медицинских изображений, в правовую сферу в качестве юридических ассистентов и средств предиктивной аналитики. В науке они участвуют в анализе данных и генерации гипотез, в медиасфере обеспечивают автоматическую генерацию контента и модерацию, а в государственном управлении используются для поддержки принятия решений и социального мониторинга. Как указывает

Р. В. Пеннер, алгоритмическая рациональность в этом контексте выступает не дополнением к человеческой деятельности, а новой эпистемологической призмой, преобразующей условия принятия решений (2025, с. 36). В российском контексте институционализация нейросетей протекает на фоне активного государственного регулирования ИИ-технологий и формирования национальной стратегии, что добавляет к описанной модели политико-правовое измерение.

Социальная агентность нейросетей: функции, роли и институциональные эффекты

На онтологическом уровне нейросети начинают конституировать новые формы социальности. Нейросетевые агенты, как показывают А. А. Дыдров и А. С. Варламова, формируют собственные режимы репрезентации, которые не сводятся к имитации человеческого поведения, но образуют автономную сферу символического производства (2025, с. 139). Нейросетевой «персонаж» (чат-бот с определенным стилем, голосовой ассистент с настроенной личностью, автономный агент в виртуальной среде) занимает позицию, для которой в классической социальной онтологии не было предусмотрено места. Как подчеркивает Л. Флориди, искусственные агенты обладают не сознанием, а функциональной автономией, и такая автономия делает их участниками социальных процессов (Floridi, 2023, p. 55).

Понятие социального репертуара нейросетей фиксирует совокупность социальных функций, которые нейросетевые системы способны выполнять в структуре общественного воспроизводства. Этот репертуар существенно шире простой автоматизации рутинных операций. К когнитивным функциям относятся обработка, систематизация и интерпретация информации. Коммуникативные функции охватывают участие в диалоге, генерацию текстов и перевод. Креативные функции включают создание изображений, текстов, музыки и программного кода. Экспертные функции выражаются в формировании рекомендаций, диагностике, прогнозировании. Нормативные функции реализуются через модерацию контента, фильтрацию информации и ранжирование значимости.

С. Рассел и П. Норвиг в классическом учебнике по искусственному интеллекту указывают, что современные ИИ-системы действуют как рациональные агенты, стремящиеся максимизировать ожидаемую полезность на основе доступных данных и целевых функций (Russell & Norvig 2021, p. 28). Однако социально-философская рефлексия требует выхода за рамки инженерного понимания агентности. К. Кроуфорд показывает, что нейросети функционируют не в вакууме, а в контексте конкретных систем власти, экономических интересов и культурных предубеждений, которые встроены в обучающие данные и архитектурные решения (Crawford, 2021, p. 12). Т. М. Махаматов, анализируя философские основания искусственного интеллекта, указывает,

что постановка вопроса о социальном статусе нейросетей предполагает пересмотр классических представлений о субъектности, поскольку нейросетевая система обладает способностью к действию, но не обладает интенциональностью в феноменологическом смысле (2019, с. 54).

Социальный репертуар нейросетей обладает рядом специфических характеристик, отличающих его от репертуара человеческих акторов. Масштабируемость позволяет одной и той же модели одновременно обслуживать миллионы пользователей, что невозможно для индивидуального эксперта. Бесперебойность обеспечивает непрерывное функционирование без физиологических ограничений. Адаптивность проявляется в способности настраиваться на контекст взаимодействия (fine-tuning, prompt engineering). Вместе с тем нейросети лишены моральной субъектности, они не несут ответственности за последствия своих действий и не обладают способностью к экзистенциальному выбору. Это расхождение функциональной компетентности и моральной пустоты образует одну из ведущих проблем нейросетевой социальности, требующую отдельной философской рефлексии.

Концепт мультиагентности, развитый в теории распределенного искусственного интеллекта (Wooldridge, 2009, p. 3), приобретает новое содержание при его переносе в социально-философский контекст. Если в информатике мультиагентная система определяется как совокупность автономных агентов, взаимодействующих для достижения общей цели, то в социальной философии мультиагентность описывает ситуацию, в которой нейросетевые системы занимают позиции внутри социальных и профессиональных ролей, ранее принадлежавших исключительно человеческим акторам. В акторно-сетевой теории Б. Латура принцип обобщенной симметрии предполагает отказ от привилегированного статуса человеческих акторов и включение технических объектов в описание социального (Latour, 2005, p. 72). Нейросетевые системы доводят этот принцип до нового предела: если классические технические объекты (инструменты, машины, инфраструктуры) не вторгались в символическое пространство, то нейросети оперируют непосредственно в нем и участвуют в производстве смыслов.

Нейросетевая мультиагентность проявляется в том, что одна и та же модель может последовательно или одновременно выполнять функции, соответствующие различным социальным ролям: консультанта, переводчика, редактора, диагноста, учителя, аналитика, юридического ассистента. При этом нейросеть не является консультантом или учителем в социологическом смысле, она исполняет ролевой скрипт, заданный промптом, контекстом и настройками модели. Н. Колдри и У. Мехиас подчеркивают, что такое включение алгоритмических систем в социальные роли ведет к колонизации человеческого опыта данными и к переопределению самой природы социальных отношений (Couldry & Mejias, 2019, p. 85).

На уровне социальных институтов мультиагентность нейросетей проявляется в их системном включении в институциональные практики. В образовании нейросетевые тьюторы формируют индивидуальные траектории обучения. В науке нейросети участвуют в анализе данных, генерации гипотез и написании текстов, что ставит вопрос об авторстве и эпистемической ответственности. В здравоохранении диагностические системы на основе нейросетей влияют на принятие клинических решений. В медиасфере генеративные модели производят контент, конкурирующий с журналистским. В каждом из этих случаев нейросеть не замещает институт, а модифицирует его внутреннюю структуру, перераспределяя функции между человеческими и нечеловеческими акторами. В. В. Радаев фиксирует это как экспансию платформ, которая бросает вызов самим основаниям социологического описания общества (2022, с. 22).

С. Маальсен предлагает понятие алгоритмической заботы (algorithmic care) для описания ответственного включения алгоритмических систем в исследовательскую практику (Maalsen, 2023). Перенос этого понятия в социально-философский контекст позволяет говорить о необходимости рефлексивного отношения к нейросетевой мультиагентности: включение нейросетей в социальные роли и институты должно сопровождаться осознанием их ограничений, встроенных предубеждений и неспособности к моральному суждению. Э. Фишер подчеркивает, что алгоритмическое производство знания ведет к подрыву критической рациональности, если оно не сопровождается человеческой рефлексией над условиями и последствиями этого производства (Fisher, 2022, p. 15–20). Е. А. Алексеева в проектах компьютерной эпистемологии фиксирует, что цифровые инструменты становятся методологически значимым компонентом познания, преобразуя сам способ философского мышления (2023, с. 98).

Конкретным примером нейросетевой мультиагентности может служить использование больших языковых моделей в академической среде. Исследователь, обращающийся к нейросети за обзором литературы, фактически делегирует ей функцию библиографического ассистента. Студент, использующий нейросеть для подготовки учебных текстов, включает ее в роль тьютора. Редактор научного журнала, проверяющий с помощью нейросети стилистику рукописи, наделяет ее функцией литературного корректора. Во всех этих случаях нейросеть занимает позицию внутри институциональной иерархии, но делает это без осознания контекста, без моральной ответственности за результат и без возможности отказаться от выполнения задачи. Подобная ситуация порождает специфические этические коллизии: вопросы об ответственности за ошибку нейросети, о допустимости представления ее продукта как авторского, о границах делегирования экспертных функций алгоритмическим системам. Эти вопросы не имеют однозначного решения в рамках суще-

ствующих нормативных моделей и требуют выработки новых подходов, учитывающих гибридный характер нейросетевой агентности.

Проблема мифологизации ИИ приобретает дополнительное значение в контексте моделирования будущих траекторий развития. А. А. Дыдров показывает, что анализ мифологии social studies обнаруживает систематическое воспроизводство нескольких сценарных архетипов: утопического (ИИ как решение всех проблем человечества), дистопического (ИИ как экзистенциальная угроза) и инструментального (ИИ как нейтральный инструмент, зависящий от целей человека) (2024, с. 58). Каждый из этих архетипов выполняет социальную функцию, формируя определенный тип отношения к технологии и определенную модель регулирования. Как отмечает И. В. Батурина, утопическая и дистопическая мифологемы задают крайние полюса общественного восприятия, между которыми размещается пространство реальных решений (2023, с. 380).

Социально-философский анализ позволяет выделить три сценария, различающихся по степени интеграции нейросетей в общественные процессы и по характеру сохранения человеческой субъектности. Наиболее консервативный вариант развития может быть обозначен как инструментальная интеграция. В его рамках нейросети сохраняют статус инструментов, подчиненных человеческому контролю. Они расширяют когнитивные возможности субъекта, автоматизируют рутинные операции и повышают эффективность институциональных практик, но не приобретают автономного социального статуса. Н. Бостром, анализируя риски сверхинтеллекта, показывает, что даже в рамках инструментального сценария проблема контроля остается нетривиальной, потому что рост сложности нейросетевых систем может привести к непредвидимым последствиям (Bostrom, 2014, p. 22).

Умеренный сценарий предполагает гибридную социальность, в которой нейросети выступают полноправными участниками социальных интеракций наряду с человеческими акторами. Границы между человеческим и машинным вкладом в производство знания, коммуникацию и принятие решений становятся размытыми. Формируются гибридные когнитивные ансамбли, где человеческая интуиция и алгоритмическая рациональность дополняют друг друга. М. Тегмарк описывает этот сценарий как переход к «жизни 3.0», в которой интеллект перестает быть привязанным к биологическому субстрату (Tegmark, 2017, p. 30). Для социальной философии этот сценарий означает, что базовые категории субъекта, действия, ответственности, авторства, коммуникации должны быть переосмыслены с учетом участия нечеловеческих агентов.

Предельный вариант развития может быть обозначен как алгоритмическая гегемония. В этом сценарии нейросетевые системы приобретают настолько глубокую встроенность в социальные процессы, что человеческая субъектность фактически опосредуется алгоритмическими процедурами на всех уровнях. Ю. Н. Харари описывает подобную перспективу как переход

к «датаизму», где потоки данных становятся высшей ценностью, а человеческий опыт редуцируется к обрабатываемым паттернам (Harari, 2016, p. 350). Д. В. Иванов, анализируя эту тенденцию в рамках критической теории цифровизации, фиксирует противостояние между алгоритмической рациональностью и «бунтом аутентичности», представляющим собой попытку субъекта утвердить нередуцируемость собственного опыта к алгоритмическим описаниям (2023, с. 10–12).

Ни один из этих вариантов не является чистой футурологией, элементы всех трех моделей обнаруживаются в современной социальной реальности. Инструментальное использование нейросетей сосуществует с формированием гибридных практик и с нарастанием алгоритмической опосредованности повседневного опыта. Задача социальной философии состоит не в выборе одного из сценариев как единственно верного, а в создании концептуального аппарата, позволяющего описывать динамику их взаимодействия. Л. Флориди и Дж. Коулс предлагают для этого унифицированную рамку пяти принципов этики ИИ (благодеяние, непричинение вреда, автономия, справедливость, объяснимость), которая может служить нормативным ориентиром для оценки различных траекторий (Floridi & Cowls, 2019, p. 5). С. В. Тихонова и Л. В. Шипова-лова показывают, что в условиях медианауки критерии нормативной оценки цифровых технологий должны включать рефлексию над самими условиями производства знания, а не ограничиваться внешними этическими ограничениями (2025, с. 188).

Отдельного внимания заслуживает регуляторный контекст социализации нейросетей. Европейский союз принял AI Act (2024), устанавливающий классификацию ИИ-систем по уровню риска и определяющий обязательства разработчиков. Китай ввел регулирование генеративного ИИ, требующее регистрации моделей и контроля обучающих данных. Россия реализует Национальную стратегию развития искусственного интеллекта, в которой технологическое развитие сочетается с задачами обеспечения информационной безопасности и технологического суверенитета. Различия регуляторных подходов отражают различия в понимании того, какую позицию нейросети должны занимать в структуре социальных отношений: нейтрального инструмента (либеральная модель), контролируемого актора (европейская модель) или элемента государственной инфраструктуры (китайская и отчасти российская модели). Для социальной философии регуляторная проблематика значима потому, что выбор модели регулирования есть одновременно выбор определенной социальной онтологии, в рамках которой нейросетям приписывается определенный статус и определенная мера включенности в общественную жизнь.

Регуляторные модели обнаруживают связь с рассмотренными выше сценариями развития нейросетевой социальности. Либеральная модель минимального регулирования коррелирует со сценарием инструментальной инте-

грации, где нейросети мыслятся как технически нейтральные инструменты. Европейская модель рискоориентированного регулирования соответствует сценарию гибридной социальности, где нейросети признаются активными участниками социальных процессов, способными причинить вред и потому нуждающимися в контроле. Модели усиленного государственного контроля, реализуемые в Китае и отчасти в России, отражают опасения, связанные с перспективой алгоритмической гегемонии, и представляют собой попытку удержать нейросети в рамках инструментального статуса, не допуская их неконтролируемого включения в процессы формирования публичного мнения, принятия управленческих решений и конструирования социальной реальности.

Выводы

Нейронные сети прошли путь от формальных математических моделей середины XX в. через период специализированных архитектур к современным генеративным системам, способным оперировать в символическом пространстве культуры. Эта эволюция представляет собой процесс последовательной социализации нейросетевых технологий, включающий их инфраструктурное встраивание в платформенную экономику, интерфейсное приближение к пользователю и институциональную интеграцию в устойчивые общественные практики.

Понятие социализации нейросетей, выстроенное по аналогии с понятием социализации Интернета (С. В. Тихонова), позволяет зафиксировать специфику этого процесса. Если социализация Интернета предполагала перенос уже существующих социальных отношений в цифровую среду, то социализация нейросетей порождает новые формы взаимодействия, для которых в доцифровом обществе не существовало прототипов.

Типологическое различение архитектур нейронных сетей обнаруживает, что каждая из них задает специфический режим участия в социальных процессах. Сверточные сети оперируют в регистре визуального распознавания, рекуррентные работают в режиме последовательной обработки, генеративно-состязательные обеспечивают синтетическое производство, а трансформеры оперируют в регистре естественного языка и глобального контекста. Последняя из названных архитектур обеспечила переход нейросетей из инфраструктурной невидимости в пространство прямой социальной коммуникации.

Социализация нейросетей неотделима от их мифологизации. Антропоморфные метафоры научного и публичного дискурса формируют восприятие нейросетей как квазисубъектов, что создает основу для делегирования им социально значимых функций и обеспечивает социальное доверие, необходимое для их институционального внедрения.

Социальный репертуар нейросетей включает когнитивные, коммуникативные, креативные, экспертные и нормативные функции, что позволяет им занимать позиции внутри различных социальных ролей и институтов. Мультиагентность нейросетей проявляется в их способности последовательно или одновременно выполнять функции, соответствующие разным профессиональным и социальным контекстам. Вместе с тем функциональная компетентность нейросетей не тождественна моральной субъектности, они лишены интенциональности, экзистенциального выбора и способности нести ответственность.

Моделирование траекторий развития нейросетевой социальности позволяет выделить три сценария: инструментальную интеграцию, гибридную социальность и алгоритмическую гегемонию. Все три сценария сосуществуют в современной реальности, и задача социальной философии состоит в создании аналитического аппарата для описания их динамики. Формирующаяся парадигма алгоритмической рациональности должна включать рефлексию над условиями и последствиями включения нейросетей в общественные процессы, сохраняя при этом нередуцируемость человеческой субъектности к алгоритмическим описаниям.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Все авторы были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Все авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Лучников А. В. – исследование истории развития, а также мифологизации и социализации нейросетей; Мельничук Д. В. – исследование архитектуры нейросетей и алгоритмической рациональности

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03014, https://rscf.ru/project/25-28-03014/

The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-03014, https://rscf.ru/project/25-28-03014/

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Выражаем благодарность нашим коллегам С. В. Тихоновой и Д. С. Артамонову за помощь в концептуальной разработке статьи и содержательные комментарии.

Список литературы

Aliev, R. T. (2025c). Post-Symbolic Coloniality: The Metasimulacrum of Otherness in Digital Culture. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(2), 166–186. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i2.649

Aliev, R. T. (2026). The Faceless Interface: Digital Empathy, Care, and the Other within the Logic of the Metasimulacrum. *International Journal of Philosophical Studies*, 1–19. https://doi.org/10.1080/09672559.2026.2625457

Berners-Lee, T. (1989). *Information management: A proposal*. CERN. https://www.w3.org/History/1989/proposal.html

Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. OUP Oxford.

Boyd, D. M., & Ellison, N. B. (2007). Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13(1), 210–230. https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x

Brown, T., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J. D., Dhariwal, P., Neelakantan, A., Shyam, P., Sastry, G., Askell, A., Agarwal, S., Herbert-Voss, A., Krueger, G., Henighan, T., Child, R., Ramesh, A., Ziegler, D., Wu, J., Winter, C., … Amodei, D. (2020). Language Models are Few-Shot Learners. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 33, 1877–1901.

Couldry, N., & Mejias, U. A. (2019). *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503609754

Crawford, K. (2021). *The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*. Yale University Press. https://doi.org/10.12987/9780300252392

Dijck, J. van. (2013). *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. OUP USA.

Fisher, E. (2022). *Algorithms and Subjectivity: The Subversion of Critical Knowledge*. Routledge, Taylor & Francis Group. https://doi.org/10.4324/9781003196563

Floridi, L. (2023). *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198883098.001.0001

Floridi, L., & Cowls, J. (2019). A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. *Harvard Data Science Review*. https://doi.org/10.1162/99608f92.8cd550d1

Goodfellow, I. J., Pouget-Abadie, J., Mirza, M., Xu, B., Warde-Farley, D., Ozair, S., Courville, A., & Bengio, Y. (2014). Generative Adversarial Nets. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 27. https://proceedings.neurips.cc/paper/2014/hash/f033ed80deb0234979a61f95710dbe25-Abstract.html

Harari, Y. N. (2016). *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Harvill Secker. https://doi.org/10.17104/9783406704024

Hebb, D. O. (1949). *The Organization of Behavior: A Neuropsychological Theory*. Wiley.

Hochreiter, S., & Schmidhuber, J. (1997). Long Short-Term Memory. *Neural Computation*, 9(8), 1735-1780. https://doi.org/10.1162/neco.1997.9.8.1735

Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. OUP Oxford. https://doi.org/10.1093/oso/9780199256044.001.0001

Lecun, Y., Bottou, L., Bengio, Y., & Haffner, P. (1998). Gradient-based learning applied to document recognition. *Proceedings of the IEEE*, 86(11), 2278–2324. https://doi.org/10.1109/5.726791

Maalsen, S. (2023). Algorithmic Epistemologies and Methodologies: Algorithmic Harm, Algorithmic Care and Situated Algorithmic Knowledges. *Progress in Human Geography*, 47(2), 197–214. https://doi.org/10.1177/03091325221149439

McCulloch, W. S., & Pitts, W. (1943). A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity. *The Bulletin of Mathematical Biophysics*, 5(4), 115–133. https://doi.org/10.1007/BF02478259

Minsky, M. L., & Papert, S. (1969). *Perceptrons: An Introduction to Computational Geometry*. MIT Press.

Rosenblatt, F. (1958). The Perceptron: A Probabilistic Model for Information Storage and Organization in the Brain. *Psychological Review*, 65(6), 386–408. https://doi.org/10.1037/h0042519

Rumelhart, D. E., Hinton, G. E., & Williams, R. J. (1986). Learning representations by back-propagating errors. *Nature*, 323(6088), 533–536. https://doi.org/10.1038/323533a0

Russell, S., & Norvig, P. (2021). *Artificial Intelligence: A Modern Approach, Global Edition*. Pearson Higher Ed.

Tegmark, M. (2017). *Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. Knopf Doubleday Publishing Group.

Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A. N., Kaiser, Ł. ukasz, & Polosukhin, I. (2017). Attention is All you Need. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 30. https://proceedings.neurips.cc/paper/2017/hash/3f5ee243547dee91fbd053c1c4a845aa-Abstract.html

Wooldridge, M. (2009). *An Introduction to MultiAgent Systems*. John Wiley & Sons.

Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Profile Books.

Алексеева, Е. А. (2023). Проекты компьютерной эпистемологии. *Философия науки и техники*, 28(2), 88–101. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-2-88-101

Алиев, Р. Т. (2025a). Алгоритмическая шизофрения: Метасимуляционная трансформация реальности в цифровую эпоху. *Логос*, 35(4), 229–250. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-4-229-250

Алиев, Р. Т. (2025b). Метасимулякр и ИИ-симуляция: Человек, медиа, интерфейсы. *Человек*, 36(1), 102–120. https://doi.org/10.31857/S0236200725010076

Батурина, И. В. (2023). Метатренды и мифологемы тематики искусственного интеллекта западного научного дискурса. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 24(1), 14–18. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-14-18

Гафаров, Ф. М., & Галимянов, А. Ф. (2018). *Искусственные нейронные сети и их приложения*. Издательство Казанского университета.

Дыдров, А. А. (2023a). Искусственный интеллект: Мифологемы западного научного контента. *Социум и власть*, (1), 16–25. https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-1-16-25

Дыдров, А. А. (2023b). Искусственный интеллект: Мифологии social studies. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 23(3), 262–266. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-262-266

Дыдров, А. А., & Варламова, А. С. (2025). Философия лица и нейросетевые агенты. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(2), 128–145. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i2.647

Иванов, Д. В. (2023). Критическая теория цифровизации: Господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3), 7–35. https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1

Махаматов, Т. М. (2019). Философские основания искусственного интеллекта. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 9(4), 52–56. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-52-56

Пеннер, Р. В. (2025). Алгоритмическая рациональность: Во зло или во благо? *Социологические исследования*, (10), 31–38. https://doi.org/10.31857/S0132162525100035

Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. Издательский дом ВШЭ. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1786-4

Степин, В. С. (2013). Типы научной рациональности и синергетическая парадигма. *Сложность. Разум. Постнеклассика*, (4), 45–59.

Тихонова, С. В. (2016). Социальные сети: Проблемы социализации Интернета. *Полис. Политические исследования*, (3), 138–152. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11

Тихонова, С. В., & Шиповалова, Л. В. (2025). Медианаука как актант новой социальной онтологии. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 9(3), 177–199. https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-3-177-199

References

Alekseeva, E. A. (2023). Computational Epistemology Projects. *Filosofija nauki i tehniki / Philosophy of Science and Technology*, 28(2), 88–101. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-2-88-101 (In Russian).

Aliev, R. T. (2025a). Algorithmic Schizophrenia: Metasimulatory Transformation of Reality in the Digital Age. *Philosophical Literary Journal Logos*, 35(4), 229–250. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-4-229-250 (In Russian).

Aliev, R. T. (2025b). Metasimulacrum and AI Simulation: Human, Media, Interfaces. *Chelover*, 36(1), 102–120. https://doi.org/10.31857/S0236200725010076 (In Russian).

Aliev, R. T. (2025c). Post-Symbolic Coloniality: The Metasimulacrum of Otherness in Digital Culture. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(2), 166–186. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i2.649

Aliev, R. T. (2026). The Faceless Interface: Digital Empathy, Care, and the Other within the Logic of the Metasimulacrum. *International Journal of Philosophical Studies*, 1–19. https://doi.org/10.1080/09672559.2026.2625457

Baturina, I. V. (2023). Megatrends and Mythologems of Artificial Intelligence Topics in Western Scientific Discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 24(1), 14–18. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-14-18 (In Russian).

Berners-Lee, T. (1989). *Information management: A proposal*. CERN. https://www.w3.org/History/1989/proposal.html

Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. OUP Oxford.

Boyd, D. M., & Ellison, N. B. (2007). Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13(1), 210–230. https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x

Brown, T., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J. D., Dhariwal, P., Neelakantan, A., Shyam, P., Sastry, G., Askell, A., Agarwal, S., Herbert-Voss, A., Krueger, G., Henighan, T., Child, R., Ramesh, A., Ziegler, D., Wu, J., Winter, C., … Amodei, D. (2020). Language Models are Few-Shot Learners. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 33, 1877–1901.

Couldry, N., & Mejias, U. A. (2019). *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503609754

Crawford, K. (2021). *The Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*. Yale University Press. https://doi.org/10.12987/9780300252392

Dijck, J. van. (2013). *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. OUP USA.

Dydrov, A. A. (2023a). Artificial Intelligence: Mythologies of Western Scientific Content. *Socium i vlast' [Society and Power]*, (1), 16–25. https://doi.org/10.22394/1996-0522-2023-1-16-25 (In Russian).

Dydrov, A. A. (2023b). Artificial Intelligence: Mythologies of Social Studies. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 23(3), 262–266. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-262-266 (In Russian).

Dydrov, A. A., & Varlamova, A. A. (2025). Philosophy of the Face and Neural Network Agents. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(2), 128–145. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i2.647 (In Russian).

Fisher, E. (2022). *Algorithms and Subjectivity: The Subversion of Critical Knowledge*. Routledge, Taylor & Francis Group. https://doi.org/10.4324/9781003196563

Floridi, L. (2023). *The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780198883098.001.0001

Floridi, L., & Cowls, J. (2019). A Unified Framework of Five Principles for AI in Society. *Harvard Data Science Review*. https://doi.org/10.1162/99608f92.8cd550d1

Gafarov, F. M., & Galimyanov, A. F. (2018). *Artificial Neural Networks and Their Applications*. Kazan University Press. (In Russian).

Goodfellow, I. J., Pouget-Abadie, J., Mirza, M., Xu, B., Warde-Farley, D., Ozair, S., Courville, A., & Bengio, Y. (2014). Generative Adversarial Nets. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 27. https://proceedings.neurips.cc/paper/2014/hash/f033ed80deb0234979a61f95710dbe25-Abstract.html

Harari, Y. N. (2016). *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Harvill Secker. https://doi.org/10.17104/9783406704024

Hebb, D. O. (1949). *The Organization of Behavior: A Neuropsychological Theory*. Wiley.

Hochreiter, S., & Schmidhuber, J. (1997). Long Short-Term Memory. *Neural Computation*, 9(8), 1735–1780. https://doi.org/10.1162/neco.1997.9.8.1735

Ivanov, D. V. (2023). Critical Theory of Digitalization: Algorithmic Rationality Domination and Authenticity Revolt. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii (The Journal of Sociology and Social Anthropology)*, 26(3), 7–35. https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1 (In Russian).

Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. OUP Oxford. https://doi.org/10.1093/oso/9780199256044.001.0001

Lecun, Y., Bottou, L., Bengio, Y., & Haffner, P. (1998). Gradient-based learning applied to document recognition. *Proceedings of the IEEE*, 86(11), 2278–2324. https://doi.org/10.1109/5.726791

Maalsen, S. (2023). Algorithmic Epistemologies and Methodologies: Algorithmic Harm, Algorithmic Care and Situated Algorithmic Knowledges. *Progress in Human Geography*, 47(2), 197–214. https://doi.org/10.1177/03091325221149439

Makhamatov, T. M. (2019). Philosophy of Artificial Intelligence. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 9(4), 52–56. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-52-56 (In Russian).

McCulloch, W. S., & Pitts, W. (1943). A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity. *The Bulletin of Mathematical Biophysics*, 5(4), 115–133. https://doi.org/10.1007/BF02478259

Minsky, M. L., & Papert, S. (1969). *Perceptrons: An Introduction to Computational Geometry*. MIT Press.

Pennet, R. V. (2025). Algorithmic Rationality: for Evil or for Good? *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (10), 31–38. https://doi.org/10.31857/S0132162525100035 (In Russian).

Rosenblatt, F. (1958). The Perceptron: A Probabilistic Model for Information Storage and Organization in the Brain. *Psychological Review*, 65(6), 386–408. https://doi.org/10.1037/h0042519

Rumelhart, D. E., Hinton, G. E., & Williams, R. J. (1986). Learning representations by back-propagating errors. *Nature*, 323(6088), 533–536. https://doi.org/10.1038/323533a0

Russell, S., & Norvig, P. (2021). *Artificial Intelligence: A Modern Approach, Global Edition*. Pearson Higher Ed.

Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. HSE Publishing House. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1786-4 (In Russian).

Stepin, V. S. (2013). Types of Scientific Rationality and the Synergetic Paradigm. *Complexity. Mind. Postnonclassics*, (4), 45–59. (In Russian).

Tegmark, M. (2017). *Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. Knopf Doubleday Publishing Group.

Tikhonova, S. V. (2016). Social Networks: Problems of Internet Socialization. *Polis. Political Studies*, (3), 138–152. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11 (In Russian).

Tikhonova, S. V., & Shipovalova, L. V. (2025). Mediascience as an Actor of a New Social Ontology. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 9(3), 177–199. https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-3-177-199 (In Russian).

Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A. N., Kaiser, Ł. ukasz, & Polosukhin, I. (2017). Attention is All you Need. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 30. https://proceedings.neurips.cc/paper/2017/hash/3f5ee243547dee91fbd053c1c4a845aa-Abstract.html

Wooldridge, M. (2009). *An Introduction to MultiAgent Systems*. John Wiley & Sons.

Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Profile Books.